

ИСКУССТВО ЦИВИЛИЗАЦИИ

О многополярной модели в рамках БРИКС

В рамках Петербургского международного экономического форума состоялось немало встреч, дискуссий, лекций. Член Изборского клуба, философ Александр Дугин высказал своё мнение на сессии "Культурная основа БРИКС. Сможет ли БРИКС стать новым культурным рынком?"

ОСЗНАНИЕ ТОГО, что из себя в нынешней ситуации в мире представляет БРИКС, какую роль играет и призван играть, может прийти через переосмысление той ситуации, в которой находится человечество. Начиная с девяностых годов прошлого века, а может, ещё раньше, процесс глобализации представлял собой однополярную модель. То есть глобалистский, либеральный Запад сказал: наша цивилизация является носителем уникальных культурных ценностей. Если вы хотите развиваться, то должны стать такими, как мы, в технологиях, в политике, в экономике, в культуре, в дипломатии, в образовании. Будьте как мы, и у нас будет единое человечество — one world. A one world, единый мир, — это глобальный Запад, который распространяет свои идеологические постмодернистские критерии на всё человечество. "Ну и давайте объединяться на этой основе", — говорят нам и продолжают настаивать на этом.

Но постепенно мы видим, что помимо глобального Запада всплывают другие суверенные субъекты. Это предвидел американский политолог Эмзюэл Хантингтон, который сказал, что произойдёт столкновение цивилизаций. Мы совершаем большую ошибку, когда, читая Хантингтона, обращаем внимание именно на первое слово, акцентируем внимание на нём — the clash — столкновение. А надо обращать внимание на второе — civilizations.

Почему Хантингтон, будучи реалистом международных отношений, подчёркивает the clash, говорит о вероятности этого? Потому что реализм в международных отношениях основан на абсолютном суверенитете, который допускает возможность войны, поскольку нет никакой надсуверенной инстанции. Для любого реалиста международных отношений мыслить в категориях столкновений или возможности военных конфликтов — это нечто естественное. Но самая новизна Эмзюэла Хантингтона не в этом. А в том, что он говорит: новыми субъектами миропорядка становятся цивилизации, то есть культуры.

Этот многополярный мир, состоящий из различных субъектов, из различных цивилизаций и культур, создаётся на наших глазах. И это уже не теория, это практика, и БРИКС является фундаментальным движением в сторону институционализации этого многополярного мира. И по сути БРИКС — это уже многополярный мир в его институциональном воплощении. Но участники БРИКС — это не столько государства, сколько великие цивилизации, которые включают в себя

самые разные страны. Например, Ахханд Бхарат — название Индии, аутентичное индийское слово — Великая Индия, это не только Индия как национальное государство. Ахханд Бхарат — это огромная культура, под влиянием которой находятся многие страны и многие народы.

Тянься — идея китайской цивилизации. Китайская культура — это тоже больше, чем Китай, это Поднебесная. Это Китай и огромная территория, находящаяся под его влиянием. И это культура. А культурный код важнее, чем государство. Россия — больше чем Россия. Русский Мир — это не Российская Федерация, точно так же, как Ахханд Бхарат — это не только Индия, Тянься — это не только Китайская Народная Республика, это шире — цивилизации. Китай, Индия, Россия — это государства-цивилизации.

Исламский мир представляет собой много государств. Там есть шииты, сунниты, есть секулярные светские режимы, как режим Эрдогана, а есть жёстко религиозные — но это одна цивилизация, один полюс.

Африка — это континент будущего, который возвращается к своей судьбе. Африка заходит на виток глубинной деколонизации, ища свои культурные корни, не следуя за Западом, двигаясь собственным путём. Африка открывает свою идентичность, а это — её культура. Африка присутствует в БРИКС двумя своими мощными центрами — Южной Африкой и Эфиопией. Эфиопия — это единственная африканская страна, которая никогда не была покорена или колонизирована, это символ свободной Африки. Южно-Африканская Республика — это символ борьбы против колонизации, ожесточённой и успешной, победоносной борьбы с расизмом и колониализмом. И конечно, есть страны Западной Африки, где наблюдается расцвет культуры, расцвет африканской идентичности, африканской традиции, корни которой уходят в Египет, в ещё более древние эпохи.

Латинская Америка представлена в БРИКС Бразилией. Входила Аргентина, время вступит Мексике, другим латиноамериканским странам.

То есть БРИКС состоит из культур, БРИКС и есть диалог культур, это совершенно новая многополярная модель, где нет Запада. Конечно, если Запад одумается, вернётся к своим культурным корням, он может стать участником этого диалога культур. Но пока он — вне игры, потому что настаивает на том, что никаких культур и цивилизаций нет, а есть только одна — западная — цивилизация, и что она является единственной.

Страны БРИКС оппонируют этой гегемонии, оппонируют такому расистскому колониальному подходу. Важно то, что БРИКС — это единство различных, а не замена одного гегемона на другого.

Конечно, существуют противоречия, например, между исламским миром и Индией, между китайской моделью и исламской моделью, между Индией

и Китаем... Россия как православная евразийская цивилизация — это ещё одна система ценностей. Но при всех противоречиях нас объединяет то, что все мы строим свои цивилизации на основе традиционных ценностей. А Запад навязывает нам нетрадиционные, анти-традиционные ценности. И не только навязывает, но считает, что они должны быть единственными.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ Запада уверены, что только там, где есть что-то похожее на глобалистский Запад, — там прогресс, цивилизация. А всё остальное — вне этого. И самое главное послание стран БРИКС, культурная основа БРИКС — это диалог, это уметь понимать другого. Это философия нашего культурного диалога.

А как Запад понимает "другого"? Запад говорит: другой — это я, будьте такими, как мы. Какой бы цвет кожи у вас ни был, какой бы страна происхождения ни была, если вы за отмену полов, если вы придерживаетесь наших либерально-индивидуалистической системы ценностей рыночной экономики и парламентской демократии — тогда мы вас признаём. Но при этом вы будете заняты догоняющим развитием, хотя никогда не догоните. Однако мы будем вам помогать догонять: поставяя вам на ваши нетрадиционные парадоксы доволывцев из наших стран и всё в этом роде. То есть будем подтягивать вас к себе, и тогда снимем проблему "другого". А если "другой" не хочет становиться таким, как мы, то мы объявляем ему войну. Мы объявляем войну Газе, объявляем войну России на Украине, объявляем войну Китаю с его стремлением к объединению с Тайванем. Мы объявляем войну тем, кто не согласен с нами. Это проблема "другого".

А БРИКС должна предложить совершенно иную систему взаимодействия: "другой" — это не такой, как я. Мы, русские, имеем большой опыт империи, мы сильное государство, но в рамках многополярного мира не говорим: становитесь, как мы, принимайте православную веру, будьте евразийцами, читайте наши книги. Нет, хитите — читайте книги, принимайте веру, не хитите — не читайте, не принимайте. Мы уважаем культурную идентичность всех наших партнёров! Включая Запад! И если Запад останется при своём, мы скажем: хорошо, если вам так нравится — это ваш выбор, мы вас не трогаем. Только к нам с этим не приходите, оставьте человечество в покое. Наше предложение Западу — оставить человечество в покое!

Но Запад не может этого сделать, потому что он не знает, что такое "другой". Его понимание другого сводится к абсолютно расистской гегемонистской парадигме. Причём, вопреки лучшим умам Запада: американская антропология Франца Боаса предлагала принять другое, как индоевропейская культура знает, что такое другой. А вот современная глобалистская либераль-

Валюта БРИКС заменит доллар

ная элита отказывается от этого глубокого гуманистического наследия, западного в том числе. Они предают свои собственные корни, поэтому они стали cancel culture — культурой отмены. Они стали уничижать культурные особенности, корни своей собственной цивилизации.

Но альтернативный Запад может участвовать в нашей культурной основе. Да, но в принципе БРИКС — это именно начало структуры того искреннего, демократичного, честного диалога, в котором могли бы принимать участие в рамках проектов БРИКС представители абсолютно всех обществ, стран и государств. Но не путём утраты своей идентичности, а с сохранением собственных культурных особенностей. И если говорить о совместном культурном проекте, будут это фильмы или другие проекты, в которых участвуют представители разных цивилизаций, важно, чтобы они были маркированы своими цивилизациями, чтобы они приходили в общий кинопроект, например, с традициями русского кинематографа, индийского Болливуда, африканского Нолливуда. Мы должны нести в наш диалог строго маркированную, различную идентичность, не смешивающуюся, но постоянно готовую к взаимобмену. Именно такой подход культурной платформы БРИКС представляется наиболее плодотворным. Это не объединение против, это не объединение вокруг какой-то одной-единственной универсальной культурной модели. Это равноправный

и равновесный, по-настоящему демократический, по-настоящему гуманный диалог цивилизаций и культур.

Если для американской политической мысли свойственно всё мыслить через категорию столкновения, то для русской политической традиции, русской культурной традиции характерно мыслить всё категориями мира — реасе. Мы очень мирный народ, который тем не менее может дать сдачи. Но мир надо понимать с учётом сохранения культурного многообразия. История России в этом отношении очень показательна. Сколько народов сохранилось на нашей территории! Кавказские народы, паназиатские народы, исламские народы... У всех свой язык, своя культурная система. Такое умение сохранить многообразие — это наше искусство. И точно так же, такое же умение в исламской, китайской, индийской цивилизациях. Умение включить в себя разное, различное, не стереть, не уничтожить — это искусство цивилизации. Культурный проект БРИКС должен двигаться в данном направлении. И если мы будем следовать такой философии, а это и есть главная платформа нашего объединения, мы достигнем колоссальных результатов.

МНОГИЕ ПРОЕКТЫ в БРИКС пробуксовывают, к сожалению. Например, общая валюта, банк БРИКС, но это как раз потому, что не

открыты каналы культурного взаимопонимания, и диалог между нашими цивилизациями, а не только странами, ещё не приобрёл глубинного культурного измерения.

Петербургский экономический форум не случайно посвящён многополярности. Наша задача, послушав всех, открыть, обосновать, разработать, наметить континент культурного сотрудничества. Я бы не назвал это рынком, я бы сказал — это дар, экономика дара, как у Марселя Мосса. Мы, русские люди, не любим обмен. Мы любим дар, подарить, одарить кого-то. У нас отношение к гостю, другу — это искренняя отдача. И эта культурная основа экономики дара в рамках большого человечества покажет пример по-настоящему гуманного, по-настоящему сердечного отношения друг к другу не через вражду, а через любовь.

Чтобы отстоять эти принципы, необходимо преодолеть большой путь. В конечном итоге задача, миссия БРИКС — это культурное освобождение. Мы не можем смотреть, как наши братья страдают под игом глобалистских элит. Мы никоим образом не враги западной культуры. Враг западной культуры — это тот, кто сегодня руководит Западом, потому что как раз он отменяет культуру.

Перед БРИКС стоит огромная задача глубинной деколонизации сознания. Только на этом свободном и суверенном признании собственных суверенных ценностей мы можем построить наше будущее.

Александр ДУГИН

В МАРТЕ 1994 ГОДА вышел в свет первый том ныне хорошо известной, а тогда расценённой даже как "претенциозная" серии "Русский Путь". "Н.А. Бердяев: pro et contra". Ныне серия насчитывает около 200 оригинально-первичных изданий, а если учитывать доработанные переиздания, то более 250 томов. Изначально замысел серии заключался в том, чтобы "представить русскую культуру в системе сущностных суждений о самой себе, отражающих динамику её развития во всей её противоречивости". На первом этапе проекта в качестве символизации культурного творчества были избраны выдающиеся люди России.

Поначалу предметом внимания выступали философы и писатели. Постепенно тематика расширилась и включила богословов, деятелей искусства и церкви, учёных, политиков, руководителей государства. К настоящему времени увидели свет книги практически обо всех русских философах первого ряда и крупнейших писателях, так что проще перечислить тех, кто ещё не попал в серию. Несколько меньше книг об учёных (в серии вышли книги об И.П. Павлове и В.И. Вернадском), деятелях искусства (П.И. Чайковский, М.И. Глинка, Д.Д. Шостакович, С.М. Эйзенштейн и другие), знаменитых иерархах церкви (митрополит Сергей (Страгородский)). В политической подсерии увидели свет издания, посвящённые российским государям, — это Иоанн Грозный, Алексей Михайлович, Пётр I (три тома), Екатерина II, Александр I, Николай I, Александр II, Александр III, Николай II. Получили отражение фигуры лидеров Революции и Гражданской войны — Керенский, Троцкий, Ленин (в четырёх томах), Сталин (в двух томах). Из лидеров Белого движения это Врангел, Деникин и Колчак. К теме Второй мировой войны относятся тома "Русского Пути", отображающие русскоязычные реценции личностей и деяний лидеров антигитлеровской коалиции Ф. Рузвельта, У. Черчилля и Ш. де Голля. К столетнему юбилею СССР вышли антологии по Н.С. Хрущёву, Л.И. Брежневу и М.С. Горбачёву. Перечисленные персоналии олицетворяют определённые эпохи и тенденции мировой истории, а также этапы развития советского геополитического и цивилизационного проекта. Менее известны антологии, посвящённые крупным государственным фигурам — М.И. Кутузову, К.П. Победоносцеву и другим.

В настоящее время работы по указанным направлениям продолжают, идёт подготовка книг, посвящённых Н.Я. Данилевскому, А.Н. Толстому, Даниилу Хармсу, Андрею Тарковскому, А.А. Зиновьеву, В.П. Астафьеву, В.Г. Распутину, В.М. Шукшину.

Отметим два важных тематических ответвления, без которых современный "Русский Путь: pro et contra" уже нельзя себе представить: зарубежные фигуры в российских рефлексиях и переход от персоналий к реализмам. В "зарубежной" подсерии увидели свет книги, посвящённые Блаженному Августину, Данте Алигьери, Сервантесу, Боккаччо, философом эпохи Просвещения, Канту, Шеллингу, Гегелю, Маркусу, Хайдеггеру, Витгенштейну, Бертрану Расселу и другим.

Более существенным с точки зрения структурного развития проекта является переход от персоналий к реализмам, который был анонсирован ещё в 1999 году. Под реалиями понимаются феномены культуры, знаковые события, культурные универсалии. Вышли книги по мировым религиям: иудаизму, буддизму, христианству, исламу; христианским конфессиям: православие, католицизм, протестантизм; базовым идеологиям Нового времени: либерализм, социализм, национализм, анархизм и консерватизм. Несколько томов посвящено Революции и Гражданской войне. В этом направлении продолжают работы, однако они требуют больших усилий.

Успешность серии объясняется несколькими причинами. Пойдём от простого к сложному. Первая причина — организационная мобильность исполнителя. Русская христианская гуманитарная академия (РХГА), которая даже сейчас остаётся сравнительно небольшим по количеству показателей вузом как в сравнении с ведущими государственными университетами, так и с немногочисленными крупными частными

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ИДЕЙ

Антология русского сознания

вузами, сумела стать центром притяжения для учёных не только из Санкт-Петербурга, но и со всей России, привлекая в свои проекты ведущих исследователей по конкретной проблеме.

Второй причиной является продуманная методология. Концептуально её можно выразить лишь по осмыслению опыта, но интуитивно она была схвачена изначально. Можно вести речь о разных методах в её составе, но мы отметим три: единство исторического и логического, герменевтика культуры и критический эмпиризм. Как видно, классика, восходящая к Гегелю, сочетается с современными веяниями. Метод критического эмпиризма наиболее очевиден. "Получуций эмпиризм" в отношении того же, например, Н.А. Бердяева, заключается в сборе максимально объёмного количества информации о его жизни и творчестве. Классики немецкой философии противопоставляли критицизму догматизм. Догматизм заключается в построении собственных теорий на основе ограниченной выборки фактов и без должной саморефлексивности по отношению к используемой методологии. Критический эмпиризм создаёт плацдарм для прохождения между Сциллой "получуций эмпиризма" и Харибдой некритического догматизма. Когда фигура попадает в фокус серии "Русский Путь: pro et contra", методом становится критическая аналитика материалов, посвящённых искомому фигуранту, которые отражали бы наиболее значимые концептуальные суждения об этом фигуранте. При этом изучаемые персоны, например Вл. Соловьёв, Л.Н. Толстой или П.И. Чайковский, должны быть представлены в книгах "pro et contra" как своего рода символы русской культуры во всей противоречивости и неоднозначности их деятельности. Конкретная личность рассматривается как призма, фокусирующая тенденции развития, выражающие ценности и архетипы культурного бессознательного. В дело фактически вступает метод герменевтики культуры, восходящий к В. Дильтею. В отличие от постмодернистской мозаичности, в нашем методе культура рассматривается как динамическая система со своей логикой развития, конечно, не столь прямолинейной, как полагали гегельянцы.

Третья причина успешности изданий заключается в органичности серии отечественной культуры как таковой. Об этом чуть ниже.

Новацией (скорее, методичностью, чем методологической) последних лет является также дополнение бумажных версий электронными информационно-аналитическими ресурсами, на которых размещаются расширенные версии результатов исследования, включая аудио- и видеоряды, а также элементы информации в духе "получуций эмпиризма" (биография, библиография). Конечно, созданные ресурсы отличаются по содержанию наполнения и уровню программно-технологического обеспечения. Как, впрочем, отличаются по качеству подготовки (развёрнутости комментариев, выдержанности баланса pro et contra и др.) бумажные тома серии. Тем не менее контуры системы просматриваются уже довольно чётко. По результатам тридцатилетней работы мегапроект "Русский Путь: pro et contra" приближается к заявленной цели — формированию Энциклопедии национального самосознания.

Нам неизвестны аналоги серии "Русский Путь: pro et contra" в других культурах, до недавнего времени живших своей высокоразвитостью, таких как Англия, Германия, Италия, Франция и др., хотя сохранение исторической памяти, необходимое для удержания от распада смыслового ядра, обеспечивающего цивилизационную идентичность, представляется более чем актуальным для стран западного геокультурного региона.

"Русский Путь: pro et contra" сопоставим по своему значению с известной просветительской серией "Жизнь замечательных людей", основанной ещё Максимом Горьким. По аналогии её можно было бы назвать "Жизнь замечательных идей". При этом "Русский путь" по определению более концептуален и центристствен, менее плюралистичен и разношерстен по подходам и стилю отдельных проектов.

От понимания прошлого, а оно всегда меняется в процессе исторического развития культуры, зависят векторы направленности в будущее. Серия "Русский Путь: pro et contra" нацелена на воссоздание образа России как страны, живущей в противоречиях великой культуры. Можно сказать, что в серии вырисовываются и контуры России как государства-цивилизации, характеризующегося драматической историей, которой свойственна "прерывность".

ОСОБУЮ АКТУАЛЬНОСТЬ развитию мегапроекта "Русский Путь: pro et contra" придатют контексты глобализации и глобализма. Эти термины часто путают, иногда неосознанно, иногда манипулятивно. Глобализация — объективный процесс, имеющий культурные, идеологические, религиозные, научно-технологические и экономические причины. В качестве примеров протогобализации можно рассматривать Римскую империю, христианскую и мусульманскую цивилизации, советский "красный" проект. Считается, что в современной глобализации главной действующей силой выступает техника, а идеология её якобы неочевидна. Глобализм — это идеология леволлиберальных, англосаксонских по преимуществу, элит, которые видят смысл глобализации в "продвижении демократии по всему миру". В таком понимании глобализм представляет собой новое имя американского империализма. Глобализм пытается застолбить за собой все сильные стороны и объективные достоинства глобализации, отождествив понятия и представив себя в качестве безальтернативной версии всемирной истории. Отсюда высказывания президента Барака Обамы о том, что якобы "Путинская Россия идёт против истории". Парадокс в том, что здесь есть своя правда, ведь в религиозном контексте Россия выполняет миссию Удерживающего, а так называемый прогресс, который Просвещение поставило на место библейско-христианской идеи спасения, на самом деле, как это предсказывал в "Трёх разговорах" Вл. Соловьёв, ведёт к царству Антихриста.

Даже если и отождествлять глобализацию и глобализм, важнейшей проблемой современной ситуации, обостряющейся при таком отождествлении, остаётся культивирование исторической памяти в качестве важнейшего условия сохранения цивилизационной идентичности. В идеале, конечно, требуется переход от фрагментарных исследований, каждое из которых предполагает, как правило, тот или иной грант, к решению задачи создания энциклопедии национального самосознания "Русский Путь". Для этого требуется, во-первых, продолжение эмпирических исследований по отдельным фигурам. Во-вторых, значительное расширение аналитики по феноменам и категориям культуры. В-третьих, переход к выявлению категориальной сетки, образующей ценностно-смысловой каркас, стягивающий Россию в целостность государства-цивилизации (тематические блоки, такие как благо, грех, святость, Север, пространство, почва и др., которые будут выполнять не только функции "тегов", но и станут предметами отдельной рефлексии). В-четвёртых, выход на качественно новый уро-

вень технологического обеспечения проекта, поскольку реализация такого замысла возможна только в форме перманентно пополняемого информационно-аналитического портала.

ИЗБОРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ продолжает магистральную линию развития русской мысли: славянофилы — почвенники — метафизика всеединства — персонализм. В этой развивающейся линии воспроизводится нацеленность на холистическое (целостное) восприятие русской культуры, сохраняется вера в особую историческую миссию России. В качестве именно идеологии она, как это и положено, пытается "заземлить" абстрактные теории в сферы практической реализуемости и прагматических эффектов. Философско-идеологической оппозицией этой линии выступают либерально-прозападные доктрины и практики. В их свете Россия — это культура "недоразвитая". В некоторых аспектах (технологическом, например) такого рода аргументацию можно и рассмотреть, но в контексте целостной геокультурной оптики эта постановка вопроса бездоказательна и в конечном счёте неадекватна современному уровню самосознания.

Более сильным культурологическим обвинением в наш адрес, излагаемым в рациональных терминах, являются упреки в сущностной фрагментарности русской культуры, основанные на убеждениях, что чаемый синтез якобы так и не произошёл, да и невозможен на принятых русских основаниях, да и не нужен вовсе. Россия — не органическая и динамичная система, а "куча мала". Мечта же о синтетической самобытности, дескать, отвлекает россиян от вполне реалистичной задачи встраивания в мировой прогресс. Разумеется, на условиях периферии или полупериферии. Над этим надстраиваются более радикальные версии откровенной русофобии, согласно которым Россия геополитически избыточна, выступая "геокультурным недоразумением". После начала идущей ныне "Второй Крымской войны" эта псевдофилософия озвучивается ещё откровеннее.

Изборская идеология, на мой взгляд, является наиболее удачным противовесом как лево-либеральному глобализму, так и русофобскому экстремизму. Важнейшее её качество — синтетичность. Она пытается выполнить чрезвычайно сложную и интеллектуально нетривиальную задачу перехода от негативной диалектики исторического процесса, когда отрицания сменяются отрицаниями, которые вновь не более чем отрицаются, — к синтетической версии исторического развития.

Если для части патристических настроенных мыслителей, назовём их "православными романтиками", идеал русской жизни лежит в православной империи, а для других, назовём их "красными романтиками", — в советской эпохе, особенно в связи с именем И.В. Сталина, то коллективный (пока всё-таки ещё, на мой взгляд, не соборный) разум избородец пытается не только нащупать, но и концептуализировать "точки сборки" в отечественной истории, столь сложной, трагической и, если верить Н.А. Бердяеву, принципиально прерывистой. Сущностная прерывистость и продолжающаяся, пусть и в тлеющем виде, гражданская война, создают чрезвычайно сложные препятствия для воплощения изборского замысла. Иногда это называют "левоконсервативным поворотом". Вектор пока ещё только нащупывается. Но лишь он, пожалуй, формирует сегодня возможность преодоления олигархического капитализма, этой современной формы колонизации России.

При этом изборская идеология не лишена недостатков. Опыт реализации серии "Русский Путь:

pro et contra" мог бы их смягчить. Чтобы не быть голословным, укажу на два недостатка такого рода, которые обуславливают друг друга. Во-первых, это чрезмерная апологетичность и отсутствие артикулированной эмпирической базы для теоретических построений избороцев. Апологетичность логически и психологически объяснима: когда тебя хотят убить, не время для реверансов в сторону агрессора. Однако Россия представляется таким образом как бы безгрешной или почти безгрешной. Но безгрешен только Иисус Христос. Во-вторых, оппоненты указывают на то, что подходы ведущих избороцев избирательны, фактологически неверифицируемы и оспариваемы. Возражать порой затруднительно. Хотя можно и не возражать вовсе, тем более что оппоненты (особенно доморощенные) любят выражать презрение к "теоретическим неадекватным непрофессионалам". Но проблема залегает глубже. Отсутствие саморефлексивности придаёт любой доктрине статус построения в лучшем случае догматичного, а в худшем — наивного и преградудушного.

ТЕПЕРЬ О ХОРОШЕМ. Идея перехода в трактатов русской философии и культуры от полифонии к симфонии, сформулированная в рамках изборской идеологии, представляется чрезвычайно продуктивной. Многополярность отечественной культуры, доходящая до противоречивости, трудно отрицать, но дело заключается в том, как её интерпретировать. Деструктивный подход состоит в растаскивании целого на элементы. Редукционизм входит в сущностное ядро аналитической и позитивистской методологий, а именно они доминируют в англоязычных дискурсах, которые уже, к сожалению, в значительной степени приняты и многими отечественными авторами. Полифония, концептуально восходящая в нашей стране к наследию М. Бахтина — срединный вариант, реализующий принцип "Пусть расцветают сто цветов". Но эта "демократическая" разногласия практически неприложима для продвижения Русской идеи. Это тоже либерализм, только не агрессивный русофобский, а умеренный и толерантный. Симфонизм, напротив, сущностно холистичен. Целостность предполагает единство различного и даже противоположного: "pro et contra". Важно, однако, найти мелодию, которая и превращает многообразие в симфонию, не давая ей деградировать до какофонии. В частности, вовсе не обязательно "сравливать" К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского, а трактовать их полемико по принципу дополнителности. Серия "Русский Путь: pro et contra" в этом плане подводит адекватный эмпирический базис под теоретические построения в рамках изборской идеологии.

Не менее важна сформулированная избороцами интенция к формированию канона. Конечно, канон тоже меняется, но не быстро — от эпохи к эпохе. Потому он и канон. Мы смотрим на Пушкина или Ленина из современности, но при этом очень важно учитывать историю восприятия и интерпретаций. Книги "Русского Пути" представляют собой своего рода микроэнциклопедии, в которых лозунг "Никто не забыт, ничто не забыто" реализуется не в количественном аспекте, а сущностно. Работа проделана большая, поэтому нельзя сказать, что перед нами лежит непопаханное поле. Однако пока далеко не всё поле отечественной культуры перепахано. Издания нашей серии в данном случае подводят опять-таки эмпирический базис, построенный методом критического эмпиризма, под замысел формирования канона, движаясь при этом снизу вверх, от исторически конкретного к духовно-культурологическим обобщениям.

Однако все концептуальные построения и благородные начинания избороцев, не исключая и возможное использование наборок серии "Русский Путь: pro et contra", останутся благопожеланиями и предметами дискуссий в достаточно узком кругу просвещённых консерваторов и патриотов, если не состоится выход этих идей и этого синтетического мировоззрения на широкий простор высшего и среднего образования. Поскольку именно образование представляет собой ключевой инструмент воспроизводства, кодирования и перекодирования культурной матрицы.

Дмитрий БОГАТЫРЁВ